

Александр
Соколенко

Хранить вечно

Воспоминания

Александр Соколенко

Хранить вечно. Воспоминания

«Издательские решения»

Соколенко А.

Хранить вечно. Воспоминания / А. Соколенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833222-7

В числе лучших правдивых историй, опубликованных независимыми издательствами в 2013 г. Книга отличается прозаическим, трезвым изложением событий, без эlegantных литературных ухищрений... Тем самым автор принял мудрое стилистическое решение, его мемуары не отягощают нас лишними примечаниями к фактическим обстоятельствам жизни заключенных. ... Результат — ясное, увлекательное, обходящееся без излишней сентиментальности изображение одной из самых мрачных глав современной истории. «Kirkus Reviews»

ISBN 978-5-44-833222-7

© Соколенко А.
© Издательские решения

Содержание

Встреча на Острове слез	6
1. В карантине	6
2. Внезапный поворот	7
3. Первая встреча с Ильей Емельяновичем	8
4. Я болею	9
5. «Амнистия»	10
6. Купец	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Хранить вечно Воспоминания

Александр Соколенко

© Александр Соколенко, 2019

ISBN 978-5-4483-3222-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Находясь в здравом уме и твердой памяти, я показания свои написал чистосердечно и добровольно, без чьих-либо побуждений пытками, бессонницей и голодом, как это было сделано надо мной четверть века назад, в назидание моим внукам и правнукам.

А так как на арестантском моем липовом деле 1944 года стояла пометка «Хранить вечно», то и мои показания завещаю «ХРАНИТЬ ВЕЧНО».
А. К. Соколенко
Январь 1970 года

Встреча на Острове слез

*Памяти Ильи Емельяновича Семенова
к 100-летию со дня его рождения*

1. В карантине

Так как никто из прибывших в тюрьму лагерных «барышников» не брал меня к себе из-за моего физического состояния, начальство тюрьмы направило меня на Остров слез, в низшую инвалидную колонию. Туда отправляли «отходы» – всех тех, кто уже ни на что не годился. Это был перевалочный пункт на погост. Еще сравнительно молодой (38 лет), здоровый, я за несколько месяцев заключения был доведен до инвалидного состояния. Много сил я потерял в двухмесячном этапе с Дона через Москву – Ташкент – Семипалатинск. Потом сделали свое разрушительное дело ночные допросы, пытки. В общую тюрьму я уже пришел доходягой. Вот он и Остров слез. Сюда посылают безнадежных, потерявших работоспособность от чрезмерного усердия следственных органов, инвалидов Отечественной войны, или просто инвалидов.

Каждый срочный арестант, находящийся в тюрьме, ждет не дожидается отправки в какую-нибудь колонию. Там все же можно подышать свежим воздухом, увидеть небо. Там и общения больше, есть работа, отвлекающая от тяжких дум.

Но не сразу заключенный попадает в общую зону. Сначала его в течение двух недель должны выдержать в карантине, чтобы, не дай бог, не занес в лагерь из внутренней или общей тюрьмы какую-нибудь хворь.

Карантин представляет собой обыкновенный неотапливаемый сарай с двустворчатой дверью, с небольшими продолговатыми зарешеченными окнами, с нарами на полусотню человек. Сарай этот обнесен колючей проволокой, с запиравшейся на ночь калиткой. На ночь и сарай запирался на замок.

Январь. Мороз сибирский. Нас, пятьдесят узников, выдерживают в карантине. После карантина разведут по баракам и выведут на работу тогда же. А сейчас кормят просто так, как дармоедов. Среди этих пятидесяти эков много участников идущей еще войны. Они в шинелях. Много колхозников. Два слепых гармониста, спевших в общественном месте под гармошку частушку про гениального батьку. Вообще они все люди труда и все в первый раз попали в этот «дом отдыха». В карантине очень холодно. В течение дня все на ногах, чтобы согреться. А ночью верхнюю одежду частью подстиляли под себя, а частью укрывались сверху. Все пятьдесят человек укладывались, как сельди в бочке, тесно прижавшись, друг к другу, а один кто-нибудь накрывал оставшейся одеждой сверху. Спать в таком положении было намного теплее, чем поодиночке.

Меня обычно укладывали в центре нар, так как я до ночи что-нибудь рассказывал. Откуда я брал похождения моих героев, удивляюсь сейчас сам. Но это были импровизации, и каждый раз они заканчивались словами «продолжение завтра».

Несмотря на ужасные морозы, пятьдесят карантинников выживают в этом холоде, еще ни один не окоцурился. А ведь в прошлый раз, передавали старожилы, половину свезли на кладбище. Не выдержали. Несознательные: вместо того, чтобы приносить Хозяину пользу, они поспешно покинули любимую Родину.

Кое-кому из нас приносили передачи: родственники находили своих близких. А от них и другим перепало, а особенно ночному рассказчику. А кто ему принесет? Семья его за несколько тысяч километров, и здесь близких никого.

2. Внезапный поворот

Колония наша была смешанной: делали мебель, ведра, шили белье, пряли, вязали, ткали, занимались огородничеством, где-то в пятидесяти километрах был подхоз с зерновыми культурами. Я хотел работать по специальности – агрономом. Днем старался через колючую проволоку узнать, есть ли в лагере агрономы, кто, и сколько их. К ужасу своему узнал, что их трое на небольшую посевную площадь, и все вольнонаемные. Прихожу к выводу, что на работу по специальности мне тут не попасть; тем не менее, пишу письмо начальнику колонии и прошу его взять меня на работу агрономом. На вечерней проверке все передаю надзирателю.

Похлебав вечером баланды, мы так же, как и раньше, улеглись бочком друг к другу, и я продолжил свое повествование. Все затаили дыхание – слушают. Кто-то крайний закурил, и вскоре эта самодельная закрутка пошла гулять: две затяжки, и – к следующему.

Но вот снаружи загремел замок, и открылась дверь: в темноту вошел человек.

– Соколенко! К начальнику!

Как не хотелось выбираться из тепла! А где мое пальто? Не найти его теперь никакой экспедиции. Я стянул с тел чью-то шинель и отправился к «самому».

В конторе ласкающее тепло. В кабинете, освещенном десятком электрических лампочек, за дубовым столом сидел совершенно лысый старший лейтенант, как я узнал позже, по фамилии Спичглаз, с милым приветливым лицом.

Перед ним лежало мое арестантское дело. Он только удостоверился, что это именно я, и перешел к делу.

– Вы видели нашу теплицу? – спросил он.

Я ответил, что нет – и как я ее мог видеть, если вот уже около десяти суток заперт в карантине.

– Завтра же осмотрите теплицу, она находится в зоне. В течение трех суток составьте на мое имя докладную записку: что вы сможете вырастить в ней в зимних условиях?

Я намекнул ему, что в колонии есть без меня три агронома – не лучше ли мне предварительно с ними проконсультироваться. Но начальник, по непонятной мне причине, не хотел, чтобы они имели хоть какое-то отношение к теплице. Я это понял, и наше соглашение состоялось.

На звонок начальника явился солдат. Было приказано пригласить Розенфельда. В комнату вскоре ввалилась непомерно разъевшаяся, в шинели со старшинскими погонами, с бритым лицом, туша лет 45. Как я узнал позже, это был начальник надзор службы. Показывая глазами на меня, начальник сказал Розенфельду:

– Этот человек будет работать у нас агрономом. Сейчас же его выкупайте, оденьте с ног до головы во все новое и поместите на жительство в стахановский барак.

Старшина увел меня в свой кабинет. Туда же были вызваны каптер, банщик и парикмахер. Вся операция надо мной длилась не более полутора часов, а затем мы со старшиной направились к бараку.

3. Первая встреча с Ильей Емельяновичем

Баракы в колонии на ночь запирались. И, хотя по углам огромного квадрата находились вышки и зона освещалась электрическими прожекторами, а снаружи вдоль проволоки бегали немецкие овчарки, побегов боялись.

Когда замок был открыт, мы вошли в длинные сени и направились к дверям, откуда слышалась приятная мелодия. В комнате стояли хорошо заправленные железные койки, было светло и очень тепло. Заключенные, разделившись на небольшие группы, чем только не занимались: в одном углу на двух гитарах, двух балалайках и одной мандолине играли небольшие пьески, в другом двое играли в шахматы, а человек шесть за них «болели»; некоторые уже лежали на койках и читали, а ближе к двери черноусый дядя рассказывал, как он всю войну проторговал солью.

Тут, около этой группы с усатым рассказчиком, мне староста указал на пустую койку. Я присел на нее и прислушался:

– Да, братцы, – говорил чернобровый усач лет 40—45, по-русски с украинским акцентом, – как шарахнули немцы с самолетов по нашей станции, так в первую очередь от моего дома с семьей ничего не осталось. Одна глубокая яма. Остался я круглой сиротой. Что делать? Я как дернул пешком на соседнюю станцию, а там уже на паровозах все дальше и дальше, и оказался аж на Маныче. Дальше и ветки железнодорожной нет. Что делать? А соли кругом целые кучи. Набрал я пару мешков и на паровоз и в Центральную Россию: два мешка соли – мешок грошей. Лахва. «Так и проездил всю войну», – хвастался он. Не понравился мне рассказчик.

Я привел в порядок свою постель, сел на койку и стал думать о своих товарищах, оставленных мной в карантине. Как все-таки общее несчастье сближает людей. Мне вот тепло теперь. А каково им? И кто их занимать будет в том холодном загоне? Самое страшное в заключении – одиночество. Не одиночка, а именно одиночество, когда вам не с кем слово замолвить, хотя вокруг и есть люди. На людях, говорят, и смерть красна. Видимо не на всех людях, а на тех, кто понимает тебя, кто сочувствует тебе. Мысленно я был в карантине, прижатый спереди и сзади теплыми телами, в темноте укрытый одеждой.

Очнулся я оттого, что подошедший ко мне маленького роста старичок, бритый с небольшими седыми усами, с клюкой в руке, спросил:

– Вы что, в соседях будете?

Он пристроил у своего изголовья палочку, потом внимательно посмотрев на меня, спросил:

– Мы что же, одностатейники с вами, кажись?

– Я по 58, – ответил я. – Вы тоже?

– Второй срок вот тяну, ответил сосед, подал мне руку и назвался:

– Илья Емельянович Семенов, сын собственных родителей.

Потом он спросил, кто я и чем занимаюсь. Я рассказал, что работал преподавателем ВУЗа, что сейчас моя семья на Дону. Рассказал о судебном процессе, сроке, о тех тяготах, которые я перенес в последние месяцы, начиная с этапа, и потом заключения во внутреннюю тюрьму и общую тюрьму. Рассказал ему и о последней встрече с начальником колонии, и что у меня теперь в перспективе лагерная теплица.

Опытный арестант, он объяснил мне, что самое страшное у меня позади, что теперь нужно подзаправиться здоровьем, а деловые люди везде нужны, и здесь их тоже ценят. Он рассказал, что, несмотря на свой возраст, добровольно работает бригадиром столярного цеха. «Без работы не могу», – заключил он.

Отходя на сон грядущий, мы пожелали друг другу спокойной ночи. Засыпая, я чувствовал, что теперь у меня справа самый близкий по эту сторону проволоки человек.

4. Я болею

Утром после завтрака я прежде всего пошел к карантинной. Рассказал своим товарищам, что со мной произошло, обменял шинель на свое демисезонное пальто. Затем я осмотрел ТПХ (теплично-парниковое хозяйство). Теплица была в заброшенном состоянии: много битых стекол, печи разрушены, внутри мерзлая земля, снег.

На третий день я принес начальнику целый трактат: расчеты по ремонту теплицы, необходимое количество дров. За выращивание огурцов я боялся браться, поэтому решил выращивать зеленую массу (лук на перо).

Трактат мой был утвержден начальником, и я приступил к его осуществлению. Почти всех людей, находившихся со мной в карантине, я забрал к себе на работу в теплицу. Одни из них, наиболее здоровые, валили в лесу деревья, пилили их, другие подвозили к теплице, четвертые кололи, пятые возились с землей в стеллажах. К первому февраля все стеллажи густо, один к одному, были засажены сеянцами лука. К тому времени в теплице стало тепло, и перо быстро тронулось в рост.

Старший агроном Круглова не выказывала особого восхищения: не было меня в колонии, и все это ТПХ бездействовало, а теперь... Это ей же минус. А она вольнонаемная, ей идет зарплата. Начальник же был восхищен. При очередном посещении теплицы, когда зеленое перо радовало глаз, он вдруг заявил:

– Смотрите, из теплицы никому не перышка. Всех отсюда гоните. Урожаем буду распоряжаться только я.

Я попросил его, чтобы он это свое исключительное право на теплицу объявил своим подчиненным. Он обещал. И это избавило меня от всяких непрошенных гостей.

Первая зеленая продукция была приготовлена для секретаря горсовета, от которого зависело принятие какого-то решения в пользу колонии. Потом зелень больше шла руководителям партучреждений.

Каждый день я рассказывал о своих делах моему дорогому соседу, Илье Емельяновичу, и он радовался моим успехам. Особенно его порадовало то, что начальство колонии возбудило ходатайство перед министерством внутренних дел республики о моем расконвоировании.

Но я перегрузил себя. Голова у меня работала прекрасно, физически же я был очень слаб: у меня шатались все зубы, из десен сочилась кровь, тело было усыпано мелкими красными пятнами – все признаки цинги. Стал задыхаться, сердце колотилось. Я понял, что заболел.

Как-то ко мне в теплицу случайно зашел главный повар колонии.

– Понимаешь, – пожаловался он, – без зелени и мяса не могу есть. Прямо беда.

– А у меня беда без мяса, – ответил я ему.

В конце концов, мы договорились: я ему свое, а он мне свое. К весне цинга моя прошла, и я стал выглядеть молодцом.

5. «Амнистия»

Закоренелый преступник, если идет на преступление, знает, что его ждет в случае провала и, получив срок, безропотно отбывает наказание (если нет возможности бежать). Человек же, не совершавший преступления, тяготится наказанием и вечно ждет, что где-то выше разберутся, и он, наконец, выйдет на свободу. А когда таких «преступников» за решеткой стало большинство, то появилась общая надежда на амнистию или помилование.

Процентов 70 заключенных отбывали наказание за хищение так называемой соц. собственности. Колхозники днями и ночами работали и, если бы следовали пунктуально букве закона, то должны были бы физически исчезнуть, так как годами они за свой труд официально практически ничего не получали. На этом свете их держало подсобное хозяйство и то, что они могли унести, часто в кармане, из того общего, что производили. В тюрьму они попадали в двух случаях: если их излавливали с «похищенным» или если они выказывали недовольство грабежом, которому подвергались. В первом случае их судили как уголовников за хищение соц. собственности, во втором – как политических. Так или иначе, но они считали, что случилась какая-то досадная ошибка, и ждали освобождения. Шла тяжелейшая война, большинству заключенных казалось, что все чинимое над ними незаконно есть следствие войны: лес рубят – щепки летят. А вот кончится война, и все войдет в свою колею: будет амнистия, и все будем дома. Этой наивной верой было охвачено все общество. Надежда заключенных на скорое освобождение подогревалась извне, с воли, часто через очень авторитетных лиц.

Многие верили этому всепрощающему акту свыше, не верил этому только Илья Емельянович, хотя он уже однажды был освобожден по частной амнистии как участник строительства Беломоро-Балтийского канала, а второй раз был списан по возрасту.

По поводу разговоров об амнистии он говорил:

– Болтают, как дети малые. Ведь как не поймут люди, что за проволокой нас миллионы подвижной рабочей силы. Ведь хорошо ли плохо, но все вкалывают. На что наша инвалидка, и та дает продукцию. А надумало правительство что строить, сейчас же туда этапы. Это не то, что с вольняшками, у которых спрашивай согласие, хотят ли они туда ехать, да и там дай ему квартиру, зарплату.

Потом, подумав, добавил:

– Может, что и будет. Вот воров Сталин очень жалует. А политики, расхитители пусть и не ждут.

Илья Емельянович словно в воду смотрел: после окончания войны на свободу ушли воры и, вопреки логике, дезертиры. Еще шла война с Японией, и, видимо, требовалось пополнение армии. Но война вскоре кончилась, после того, как американцы сбросили на Японию атомные бомбы. В результате победы воры и дезертиры получили полную свободу.

Илья Емельянович рассказывал, что он, как активный участник строительства Беломоро-Балтийского канала, по ходатайству администрации, был освобожден из заключения по частной амнистии. Я попросил его рассказать, как его списали позже по возрасту.

– А это было как раз перед войной, – сказал он. – На этом острове собрали нас старичья много. Убытки стало нести государство от нас: комиссия, оформление и вскоре всех нас по шапке. Списывали всех, не считаясь со статьями.

А тут случилось так, что я в это время делал начальнику колонии двуколку. Вызывает меня к себе начальник и говорит:

– Вот, что Илья Емельянович, прошу тебя, закончи мне двуколку, и ты тогда пойдешь домой не с пустыми руками.

Подумал я, подумал, и согласился. А пока доделывал эту повозку, грянула война. Пятьдесят восьмью приказано было задержать. Задержали и меня. Вот сию, как видишь. Жду.

Он замолчал, подумал, потом посмотрел на меня и закончил:

– А где ни доживать: хрен редьки не слаще. Тут хоть знаешь, что тебя не посадят!

6. Купец

Мастера мебельного цеха, которыми заведовал Илья Емельянович, говорили, что у него золотые руки. Прежде всего, он был прекрасным слесарем, кузнецом, шорником, сапожником. Все, что он делал, делал с любовью, с большим знанием дела, вкладывал в то, что творил, свою душу.

Как-то перед войной колония участвовала в какой-то промышленной выставке изделий. Илья Емельянович изготовил своими руками для выставки седло. Работа его была оценена высшим баллом, и седло уехало в Москву как лучший экспонат.

При оценке качества стали, ему было достаточно посмотреть, какие возникают искры, если ее приложить к наждаку, и по ним он определял, может ли эта сталь пойти на то или иное изделие.

Илье Емельяновичу быть бы ученым. Он умел проникать вглубь того, с чем сталкивался, и, если встречалась какая-нибудь неясность, загадка, он старался найти разгадку и часто находил. Человек этот стоял обеими ногами на Земле, любил ее, был очень любознательным. Он в совершенстве владел казахским, китайским, монгольским языками. Память у него была колоссальная, хотя в школе он никогда не учился. Научил его читать, писать и четырем правилам арифметики беглый солдат.

Как-то я попросил его рассказать свою биографию.

– Какая же у меня биография? – сказал мне Илья Емельянович. – Словно я Володя (Ленина Илья Емельянович всегда называл по имени и объяснял: он мой годок).

Его дед, герой Отечественной войны 1812 года, побывал с нашими войсками в Западной Европе, насмотрелся, как там живут люди, не пожелал снова идти под ярмо помещика, а махнул на вольные земли в Сибирь, попал на Алтай и поселился на ничейной земле у реки Катунь. Там он нашел таких же беглых русских, поселившихся в этой стране богатств и сказочных чудес, русском Эльдorado. На реке Семе он построил водяную мельницу, развел пасеку, промышлял зверя, искал золото, кузнечил.

Отец Ильи Емельяновича, Емельян Семенов, человек, который еле мог расписаться, обладал колоссальной памятью. Он занимался скототорговлей, почти не бывал дома, много ездил по торговым трактам Сибири, Казахстана, Китая и Монголии со своими многочисленными стадами скота и отарами овец. Никаких бухгалтерских книг у него не было. Все свои денежные связи он держал в своей памяти. Кстати сказать, для своих торговых операций собственных капиталов у Емельяна Семенова не было: он был связан с московскими гильдейскими купцами, у них и кредитовался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.